

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ
И СТАНОВЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ RES MOBILIS / RES IMMOBILIS
В РИМСКОМ ПРАВЕ***

Рассматривая тот или иной правовой феномен в исторической перспективе, мы анализируем письменные источники, которые составлялись в конкретных исторических реалиях культуры и языка, поэтому любая категория права, будучи выраженной в языке, предполагает лингвокультурные предпосылки своего становления и существования.

Формула, классифицирующая сегодня материальные объекты (вещи) с помощью признака «возможность перемещения имущества» на «движимые» и «недвижимые», имеет очень древнее происхождение. При этом, смыслы этой формулы на разных исторических этапах и в различных культурах представлены в разных формах, образуя, как будет показано ниже, некую закономерность.

Долгое время те материальные объекты (например, скот), которые сегодня мы отнесли бы к категории «движимое имущество», были единственными символами богатства и благосостояния для древних индоевропейских народов.

Недвижимое имущество, в его нынешнем понимании, получает свое осмысление и закрепление в языковом сознании гораздо позже, что объясняется отличием способов обладания недвижимой вещью и движимой вещью, а также уровнем развития института частной собственности: «чувство частной, индивидуальной принадлежности вещей впервые появляется, без сомнения, по отношению к вещам движимым; недвижимость же... первоначально находилась в том

или ином коллективном обладании» [1. С. 143]. Такие базовые объекты категории «недвижимое имущество», как дом, земля долгое время рассматривались в качестве имманентной характеристики рода, семьи или всего государства, а не как объекты права.

Этот факт имеет и некоторое языковое подтверждение: классическая римская формула *res mobiles / res immobiles* представляет собой семантическую оппозицию, в которой *res mobiles* является базисным членом, а *res immobiles* – маркированным членом, о чем свидетельствует аффикс *im-*, выражающий значение отсутствия соответствующего признака. Нужно отметить, что немаркированность *res mobiles* не случайна, а имеет конкретную историческую ретроспективу, о которой будет сказано ниже.

Как показал Эмиль Бенвенист в «Словаре индоевропейских социальных терминов», в индоевропейском языковом ареале наиболее древней языковой единицей, имеющей значение «личное имущество», «богатство», является, по-видимому, и.-е. **uīgo-pekū-* (авест. *rasu vīra*, умбр. *uīgo pequo*)» [2. С. 52]. **Pequ* и его дериват в латинском языке *pecunia*, в своем первоначальном значении, отражали идею могущества, богатства и власти, воплощенной во владении и распоряжении имуществом.

На авестийском материале Э. Бенвенист убедительно доказывает, что авестийское *vīra* в формуле *rasu vīra* следует понимать как «составную часть движимого имущества... причем человек иногда включается в

* Доклад С. Н. Слепухина на международной научной конференции «Римское частное право: многовековой опыт развития европейского права» (Новосибирск, 1–3 июля 2012 г.).

pasu, а иногда упоминается отдельно» [2. С. 52]. В подтверждение экономической важности pasu (скота) для древнего скотоводческого общества Э. Бенвенист приводит два весомых аргумента.

1. Высказывание Заратустры из Авесты: «Я знаю, почему я бессилён, о Мазда; это из-за того, что я kamna-fsu (= у меня мало pasu) и потому что я kamna-nar (= у меня мало людей)» [2. С. 52]. Как видно, свидетельством бессилия Заратустры является недостаток fsu (в значении pasu) и nar (в значении vira), а следовательно, их обилие – свидетельство власти и могущества.

2. В то же время древний индоиранский термин ksu (к которому, по-видимому, восходит авест. fsu) сохранил первоначальный экономический смысл значимости pasu, не связанный с обладанием скотом: так, «прилагательное “ruksu” значит “полный богатства и имущества”, но не в специфическом смысле, связанном с владением скотом; это эпитет богов Агни, Индры и Сомы, который часто ассоциируется со словами, обозначающими “богатство”» [2. С. 53].

Древняя индоевропейская формула *uigo-reku- представляет из себя синтагму, обозначающую, в целом, понятие более высокого яруса («богатство», «движимое имущество»), не сводимую к «сумме» двух понятий низшего яруса («люди» – *uigo- и «скот» – *reku-). Синтагматическая связь *uigo- и *reku- свидетельствует о приравнивании человека к скоту в экономическом смысле, который понимался как объект власти и богатства в древней индоевропейской культуре. Так, по мнению Э. Бенвениста, значение vira в формуле pasu vira является «раб», «слуга», «челядь» [2. С. 53]

Однако первоначальное значение и.-е. *reku и его деривата в латинском языке «rescupia» не имели никакой связи со скотоводческой лексикой. Более того, по данным Бенвениста, *uigo-reku- является наиболее древней языковой единицей, имеющей значение «личное имущество», «богатство». Значение «скот» является результатом употребления *reku в реалиях скотоводческого общества, что привело к специализации и.-е. корня по линии: «личное имущество» – «скот».

С развитием земледелия, ведением оседлого образа жизни, скот (рабы, челядь как

«двуногий скот») перестает быть единственной формой богатства. Появляется потребность накопления и сохранения уже нажитого. Эти исторические тенденции отразились в гомеровской формуле «κεῖμήλιά τε πρόβασιν τε» [2. С. 49] (приблизительно VIII в. до н. э.).

Формула «κεῖμήλιά τε πρόβασιν τε», с одной стороны, является синтагмой, которая в гомеровской Греции обозначала в целом «богатство», «имущество». С другой стороны, элементы этой формулы находятся в парадигматических отношениях, а именно – в смысловой оппозиции κεῖμήλιά / πρόβασιν.

Πρόβατα в этой формуле обозначает, в буквальном смысле, «имущество на ногах», «имущество передвигающееся» или «живой инвентарь» [3. С. 930]. Слово κεῖμήλιά представляет собой форму множественного числа κεῖμήλιον, «ценность», «сокровище», «бережно хранимое достояние» и является производным от глагола κεῖμαι, основное значение которого – «лежать, покоиться» [3. С. 930].

Таким образом, буквальное значение κεῖμήλιά – «лежачее (точнее, покоящееся) имущество». По-видимому, др.-греч. κεῖμήλιά в формуле «κεῖμήλιά τε πρόβασιν τε» обозначала некую совокупность материальных объектов, имеющих экономическую значимость в гомеровском обществе и способных к накоплению. Решающий для рассматриваемой синтагмы – именно факт того, что имущество «лежит», т. е. находится в покое и не имеет собственной воли к передвижению, т. е. является неодушевленным.

По-видимому, др.-греч. κεῖμηλια в формуле «κεῖμηλια τε πρόβασιν τε» обозначала некую совокупность материальных объектов, имеющих экономическую значимость в гомеровском обществе и способных к накоплению. Решающим для рассматриваемой синтагмы является именно факт того, что имущество «лежит», т. е. находится в покое и не имеет собственной воли к передвижению, т. е. является неодушевленным.

По мнению автора, др.-греч. κεῖμηλια, по своему смыслу, сближается с др.-рус. словом «добро» в значении «имущество», фр. bien, лат. bonorum, англ. good, нем. gut. Эта гипотеза может быть подтверждена таким выражением, как «ἀγαθὰ κείμενα εἰς εἴη πολλὰ», «многолетние запасы добра» [3. С. 930], где ἀγαθὰ κείμενα εἰς дословно пере-

водится как «добро в покоящемся / лежачем состоянии».

Учитывая вышесказанное, мы можем постулировать, что в основе оппозиции κείνῃ / πρῶτον лежит глубокая смысловая линия, разделяющая объекты на одушевленные и неодушевленные, при этом первые, как живые организмы, способны передвигаться, расти, воспроизводить себе подобных и, следовательно, в прямом смысле этого слова, не способны к хранению и накоплению.

Семантически сходная дифференциация имущества встречается в Институциях Гая. Так, Гай, характеризуя категорию *res mancipi*, относит к ней вещи движимые (*res mobiles*) и те, которые приводятся в движение собственной силой (*res moventes*): «Item ex mobilibus et mouentibus mancipi sunt serui atque ancillae et ea animalia mansueta, quae collo dorsum domantur, qualia sunt boues, equi, muli, asini» / «К движимым вещам и тем, которые приходят в движение собственной силой, принадлежат в качестве *res mancipi*: рабы, рабыни, четвероногие и укрощенные человеком ручные животные, как, например, быки, лошади, мулы и ослы» [4. С. 88] (Gai., II, 15).

Однако, как известно, Институции Гая были созданы во II в. н. э. При этом мы не располагаем данными, свидетельствующими о более раннем употреблении формы *res mobiles*. На более раннем этапе развития древнеримского государства и права разделение вещей на движимые (*mobiles*) и недвижимые (*immobiles*), в современном понимании, не существовало.

Имущество дифференцировалось в соответствии с иным принципом («*familia-rescunia*»), связанным с существованием в архаическом римском обществе института семейной собственности, предшествовавшего частной собственности. В соответствии с этим принципом все имущество являлось достоянием не отдельного человека, но семьи, в которую он входил.

Семья (*familia*) понималась как некий комплекс прав, характеризующих статус домовладыки (*pater familias*), в отношении вещей (*res*) и рабов, а также подвластных лиц (*personae*): «Familiae» *appellatio qualiter accipitur, videamus. Et quidem varie accepta est: nam et in res et in personas deducitur*» [5. С. 500] (D. 50, 16, 195, 1). В случае, если какая-либо из вещей, входящих в *familia* во-

влекалась в систему волевых отношений, т. е. становилась объектом юридических актов, эта вещь относилась к иной категории – *rescunia*.

При этом нужно отметить, что категория «*rescunia*» не могла применяться в то время к объектам недвижимого имущества, потому как вся земля являлась общественным достоянием («*ager publicus*») и не воспринималась древними римлянами как имущественный объект, которым *pater familias* мог бы распорядиться по собственной воле. Следовательно, категория «*rescunia*» могла относиться только к движимому имуществу, вовлеченному в систему волевых отношений участников экономического оборота.

В римском праве разделение вещь на *familia* и *rescunia* является наиболее древним. При этом если категория *familia* является характеристикой статуса домовладыки (*pater familias*), то *rescunia* указывает на его распорядительные полномочия в отношении имущества, входящего в семейный комплекс [6. С. 341].

Таким образом, в плане содержания «*familia*» как юридической категории, характеризующей статус *pater familias*, можно выделить два основных дифференциальных семантических признака: отношение домовладыки к вещам (*res*) и его отношение к *personae* (лицам: рабам и подвластным). По отношению к вещам *familia* буквально означает «домашнее хозяйство» [7. С. 728], по отношению к лицам – социальную структуру, образованную родственными либо чисто властными отношениями (положение рабов в семье так и характеризуется – *in potestate*), во главе которой стоит *pater familias* как *persona sui iuris* (т. е. как лицо, никому не подвластное) с властными полномочиями к *personae alieni iuris* (т. е. лицам, находящимся в чужой власти).

Rescunia, в оппозиции к *familia* – это «имущество (из состава *familia*), вовлеченное в систему волевых отношений с другими лицами, членами других семейных групп. Так, раб называется «*rescunia*», когда он выступает объектом сделки его господина с другим домовладыкой, тогда как рабы, занятые в хозяйстве, именуются «*familia*». При этом «вещь, в отношении которой уже был совершен распорядительный акт, сохраняет определения, относящиеся к *familia* – в качестве объекта, определяющего личный статус» [6. С. 341]. Полное отчуж-

дение вещи значило бы попадание в зависимость от другого домовладыки.

Показательно, что в архаическую эпоху статус *familia*, распространенный на семейное имущество, нивелировался только при полном прекращении существования этой *familia* как ячейки римского общества, что отражалось в номинации данного семейного имущества.

Так, в Законах Двенадцати таблиц (450–451 вв. до н. э.) имущество, поступившее во власть агнату (родственнику по отцу), получает номинацию «*familia*», что означает полный переход семейной собственности от умершего *pater familias* к его агнату. Такой переход был возможен при строгом соблюдении ряда условий: «*Si intestato moritur, cui suus heres nec escit, adgnatus proximus. Si adgnatus nec escit, gentiles familiam habento*» [8] (XII tab., 5). – «Если кто-нибудь, у кого нет подвластных ему лиц, умрет, не оставив распоряжений о наследнике, то пусть его хозяйство возьмет себе [его] ближайший агнат» [9. С. 64].

Автор поддерживает точку зрения, в соответствии с которой за указанными дифференцированными значениями стоит «изначальное представление о некоем нерасчлененном единстве лиц и вещей», которое «было свойственно не только римлянам, но и древним и архаическим обществам вообще» [10. С. 18].

Таким образом, можно утверждать, что *pecunia*, в оппозиции к *familia*, при обозначении имущества «выражает индивидуализированное распорядительное полномочие в оппозиции к статичной подвластности вещи общественной единице (семейству или всей общине)» [6. С. 341].

Как показал Э. Бенвенист, форма *pecunia* является дериватом от и.-е. **peku*, образованного либо с помощью ст.-слав. суффикса *-unjī* (**unia*), маркирующего в старославянском абстрактные существительные, либо «*pecunia*» – абстрактное существительное на *-ia*, образованное в латинском от производных на *-nus / -na / -ni* [2. С. 54].

Так или иначе, и.-е. **peku* не могло быть связано с обозначением какого-либо отдельного предмета, так как его базисным семантическим признаком является принципиальная возможность группы материальных предметов быть объектами экономических отношений, а латинская форма *pecunia* представляет абстрактное родовое

имя, объединяющая различные виды имущества, обладающих этим свойством. Как было сказано ранее, такое имущество, до возникновения развитых правовых отношений, могло быть только движимым. При этом участие имущества в обороте было связано с индивидуальным волеизъявлением полноправного владельца, и в этом смысле *pecunia* – личное имущество.

Со временем *pecunia* специализировалась до обозначения любых предметов, которые могли выступать как средство обращения и платежа; как универсальный обменный эквивалент, который не сводился к *numeratum* (монетам): «*Pecuniae*» *verbum non solum numeratum pecuniam complectitur, verum omnem omnino pecuniam, hoc est omnia corpora: nam corpora quoque pecuniae appellatione contineri nemo est qui ambiget*» (Ulpianus) – «Слово “деньги” означает не только монеты, но и вообще всякое платежное средство, т. е. всякого рода телесный предмет, ведь никто не сомневается в том, что понятие “деньги” включает в себя также и телесные предметы» [5. С. 498–499] (Dig. 50.16.178).

В то же время в наследственных отношениях термин «*pecunia*» иногда сохранял прежнее значение имущества, вовлеченного в систему экономических отношений посредством последнего волеизъявления *pater familias* (завещания *testamentum*), в отличие, к примеру, от *res*, означающей любой материальный или нематериальный объект, который может иметь реальную или потенциальную ценность для обладателя: «*Rei*» *appellatio latior est quam «pecuniae», quia etiam ea, quae extra computationem patrimonii nostri sunt, continent, cum pecuniae significatio ad ea referatur, quae in patrimonio sunt* (Paulus) – «Термин “вещь” шире, чем термин “имущество”, так как содержит и то, что у нас имеется помимо унаследованного от отца имущества, тогда как значение термина “имущество” относится только к тому, что мы имеем в унаследованном от отца имуществе» [5. С. 450–451] (Dig. 50.16.5).

По мнению автора, значение *patrimonium* в приведенном высказывании следует переводить на русский язык более точно как «унаследованное у отца имущество по завещанию», так как слово «*pecuniae*» указывает на индивидуальное изъятие отца, каковым в данном контексте может являться

лишь завещание (ведь завещание – не что иное, как односторонняя сделка).

При этом указанное значение восходит еще к Законам Двенадцати таблиц. Индивидуальная воля, направленная на распоряжения семейным имуществом, актуализирует значение «*rescunia*»: «*Uti legassit super rescunia tutelave suae rei, ita ius esto*» [Leges XII tabularum] – «Как кто распорядится на случай своей смерти относительно своего домашнего имущества или относительно опеки [над подвластными ему лицами], так пусть то и будет ненарушимым» [9. С. 64].

С другой стороны, если распоряжения о наследстве нет, семейное имущество именуется как «*familia*»: «*Si intestato moritur, cui suus heres nec escit, adgnatus proximus familiam habeto*» [Leges XII tabularum] – «Если кто-нибудь, у кого нет подвластных ему лиц, умрет, не оставив распоряжения о наследстве, то пусть его хозяйство возьмет себе (его) ближайший агнат» [9. С. 64].

Что касается категории «*familia*», то со временем ее значение, применительно к имуществу, стало размываться. В предклассическую эпоху «*familia*» теряет определенность значения и становится частью бинома «*familia rescuniaque*», который употреблялся, главным образом, при составлении завещаний со значением «все имущество семьи». Например, в Gai., II, 104: «*Familiam rescvniamqve tvam endo mandatela tva cvstodelaqve mea esse aia*» – «я утверждаю, что все имущество семьи, по квинитскому праву, находится под твоим распоряжением и моим надзором» [4. С. 112–113]. Со временем *familia*, как и *rescunia*, в контексте наследственных отношений, приравнивается в своем значении к *patrimonium*, т. е. к наследственному имуществу, отчине (например, в Gai., II, 102–103).

С разложением семейной собственности в юридическом дискурсе, при обозначении имущества, повсеместно распространяется более универсальный термин «*res*», который, в сочетании с прилагательным «*mobilis*», обозначает современную форму «движимое имущество», калькированную на многие языки стран романо-германской правовой семьи (фр. *fortune mobilière*, *biens mobilier*, нем. *mobilien*, исп. *bienes muebles*, итал. *beni mobili*, *proprietà mobiliare* и т. д.), а также за ее пределы (ср. англ. *movable property*, хотя этот термин употребляется, как правило, по отношению к иностранному

элементу, так как для англо-саксонской правовой семьи более характерно разделение имущества, в соответствии с видами предоставляемой защиты, на *real property* and *personal property*).

Учитывая сказанное выше, мы выдвигаем гипотезу, что синтагматические отношения в «*res mobilis*» мотивированы архисемой (или базовым семантическим признаком) «включенность или вовлекаемость в оборот» **реку* и его производного *rescunia*. Таким образом, можно предположить, что на определенном этапе базисное значение *rescunia* «имущество с принципиальной возможностью вовлечения в оборот» в словосочетании *res mobilis* получило свою номинацию.

Возможно, в языковом сознании древних римлян отражена та тонкая грань между движимым и недвижимым имуществом, которую мы не можем осознать сегодня: движимые вещи потому так называются, что способны передвигаться вместе с людьми. Распоряжение ими связано с их перемещением, т. е. с их физической передачей новому владельцу, поэтому движимые вещи постоянно потенциально включены в оборот (что соответствует таким значениям *mobilis*, как «быстрый», «легкий», «подвижный»).

Распоряжение же недвижимыми вещами никак не связано с их перемещением, т. е. оно формально и представляет собой смену владельца. Недвижимое имущество потому так и называется, что не может физически переместиться вслед за своим владельцем, следовательно, для возможности им распорядиться должен существовать некий известный всем членам общества социальный порядок. Поэтому осмысление недвижимого имущества в языковом сознании могло возникнуть только в юридическом дискурсе, где недвижимость уже была объектом сделок.

Список литературы

1. Андреев М. Недвижимая собственность в Риме до Двенадцати таблиц // ВДИ. 1955. № 1. С. 142–146.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, 1995. 456 с.
3. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. 1043 с.

4. *Гай*. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. М.: Юристъ, 1997. 368 с.

5. Дигесты Юстиниана: Пер. с лат. / Под ред. Л. Л. Кофанова. М.: Статут, 2005. Т. 7. Полутом 2. 564 с.

6. *Дождев Д. В.* Римское частное право. М.: НОРМА, 2000. 784 с.

7. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2004. 992 с.

8. *Leges XII tabularum*. Библиотека источников римского права от А. В. Коптева.

URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/twelve/twelve.html>

9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Сост. В. Н. Садилов. М.: Проспект, 2005. 768 с.

10. *Смирин В. М.* Римская familia и представление римлян о собственности // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. С. 18–40.

Материал поступил в редколлегию 22.05.2012